

Научное/ненаучное, профессиональное/профанное: приключения номинаций или рериховские чудеса

Екатерина Тарновская,
Светлана Ерпылева

Меня интересуют научные исследования Запада о восточной философии как параллели между восточной философией и западными исследованиями. Это такое целое направление в науке: западными открытиями подтверждается то, что было раньше восточной философией, — об этом пишут западные ученые, исследователи. <...> Всё, что предсказано о будущем земли, имеет научные основания. Некоторые процессы, которые сейчас происходят, были предсказаны три тысячи лет назад в Индии! <...> На доказательном материале мы продемонстрировали, что многие научные открытия были сделаны в Индии за сотни лет до того, как эти открытия были описаны на Западе: например, теорема Пифагора, гелиоцентрическая система Коперника.

D., кандидат химических наук, советник РАЕН.

Приведенная выше цитата демонстрирует один из многочисленных способов научного мышления, точнее, мышления о науке, и отсылает в данном случае к дискурсу представителей новорелигиозного движения (рериховства). Деление на «западную» и «восточную» науки представляется здесь как естественное и очевидное, не требующее специального обоснования. Но создание людьми истин и вера в них всегда историчны, и потому произведенные суждения лучше не просто располагать на оси истинности/ложности, но также анализировать исторические условия их возникновения.

Каждое из множества производимых суждений или классификаций не случайно: все они оказываются социально — и, частично, биографически — заданными. Будучи производными в том числе от социальной позиции классифицирующего агента, такие суждения стремятся, тем не менее, предстать в качестве универсальных и естественных. Более того, именно так они и воспринимаются окружающими, т. е. их признание происходит ненасильственным образом.

¹ См. подробнее, например: Бурдые П. Социология политики: Пер. с фр./Сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко. — М.: Socio-Logos, 1993. — 336с. С. 72

² Агни-Йога (Живая Этика): доктринальный текст рериховского движения. Повествует о стихии Огня, которая является первоосновой всего. Якобы написан Е. Рерих под диктовку Великих Учителей.

Но поскольку, например, социальные основания классификаций оказываются скрыты, П. Бурдые¹ получил возможность говорить о возникновении эффекта насилия, которое не воспринимается в качестве насилия — «символического насилия» или «символической власти».

Мы можем предполагать, что в интересующем нас движении — рериховском движении — существует множество эффектов, связанных с осуществлением символического насилия. Поэтому мы заранее ограничиваем предмет своего рассмотрения: им станет функционирование классификации научное/ненаучное. Второе ограничение будет относиться к классифицирующим агентам: нас будут интересовать способы говорить о правильной/не-правильной науке лишь теми, кто сам задействован в процессе производства научного знания, т. е. «учеными-исследователями». Этот частный случай позволит увидеть, каким образом представители «научного полюса» движения предпочитают мыслить самих себя.

Рериховское движение вчера и сегодня

Мы как бы между делом ввели понятие «научного полюса» рериховского движения, поэтому вполне справедливо предположить, что внутри него сосуществуют и взаимодействуют несколько направлений. Диффузный характер сообщества (отсутствие признаваемой всем сообществом внутренней иерархии, раз и навсегда установленной формы организации, а также «религиозных» ритуалов и обычаев) позволяет нам воспользоваться наиболее широким определением того, что есть рериховское движение. Итак, это сообщество, участники которого объединены увлечением текстом, «данным через» Е. Рерих (Агни-Йога или Живая Этика²), и соглашением с набором идей, высказанных в этом тексте.

Мы должны осторожно отнестись к спонтанному желанию назвать движение «религиозным»: в отношении его «религиозности» не существует консенсуса. Если задать прямой вопрос о религиозности сообщества его участнику, в большинстве случаев (но не всегда!) ответ будет отрицательным. В представлении рериховцев Живая Этика объединяет религию, науку и искусство, а само движение носит исключительно светский характер. Однако такие публичные манифестации участников не мешают некоторым представителям русской православной церкви обвинять последних в сектантстве, подчеркивая тем самым именно религиозные мотивы объединения³. А также поздний характер возник-

новения движения (1970ые гг.) и ряд специфических идей Живой Этики позволяет религиоведам относить его к течению Нью-Эйдж⁴.

Уже упомянутая нами неопределенность правил игры внутри сообщества, отсутствие прямой связи доктрины с некоторыми обязательными практиками по её реализации «в миру» — всё это позволяет выдвинуть гипотезу о нерелигиозном характере движения. Кроме того, что рериховство может определенным способом мыслить себя, оно может являться специфической формой культурного потребления. Выбор той или иной исследовательской оптики даст возможность исследователю осуществить необходимый разрыв с самопредставлениями и преодолеть ту «божественную» неопределенность рериховского учения, на которой настаивают адепты движения.

Даже будучи не более чем демонстрацией произошедших когда-то фактов, исторический контекст возникновения и развития движения последователей Рерихов, на наш взгляд, поможет читателю чуть лучше ориентироваться в предмете данного исследования.

Первые группы рериховцев формировались при участии самих Рерихов, прежде всего за границей, в среде российских эмигрантов. Начало активности рериховцев в СССР положило событие на «высшем» государственном уровне: в 1957-м году в Советский Союз по личному приглашению Н. Хрущева приехал сын Н. К. и Е. И. Рерих Ю. Н. Рерих. Привезенные им картины отца и архивные документы стали основной для первой выставки работ Рериха в СССР в 1958-м году, которую старшее поколение рериховцев вспоминают до сих пор. Ю. Н. Рерих получил также возможность выступить с речью перед советской аудиторией.

Зародившаяся активность в области культуры повела

³ Известен, например, непрекращающийся конфликт между РПЦ в лице А. Кураева и РД, в публичном пространстве представляющий собой едкие обвинительные статьи Кураева и ответные реплики наиболее представительных рериховцев.

См. например: Кураев А. Уроки сектоведения. т. 1. Как узнать секту (на примере рериховского движения). Санкт-Петербург: «Формика».

Ответная рецензия участника рериховского движения: Ф. В. Фролов. Информационная война против Рерихов продолжается. // Электронная библиотека Международного Центра Рерихов. URL: <http://lib.roerich-museum.ru/node/251>.

⁴ См. например, Интернет ресурс «сектовед.ру», URL: http://sektoved.ru/enciclopedia.php?cat_id=54

за собой циркуляцию текстов Агни-Йоги сначала внутри приближенных к Рерихам, а потом и в более широких кругах. Тексты переписывались, перепечатывались в домашних условиях и зачастую попадали к студентам самых разных факультетов с потоком самиздатовской литературы. Обращение текстов в таком виде продолжалось вплоть до перестройки, несмотря некоторые изменения в структуре движения, произошедшие в СССР.

В середине же 1970-х годов были предприняты первые попытки так называемого «научного» изучения творчества Рерихов (культивируемого большинством рериховцев сегодня), однако вскоре они прекратились из-за недоступности ресурсов — закрытые архивы, невозможность поездок за рубеж не способствовали исследовательской работе. Значимым переломным моментом в развитии рериховского движения в СССР стал 1974-й год — в это время прошла крупная выставка работ Рериха одновременно в Москве и Петербурге, приуроченная к его столетнему юбилею. Этот юбилей был отпразднован с таким же блеском, как и юбилей Л. Толстого и А. Чехова — в одном из центральных залов страны. Тогда же на уровне Министерства Культуры было принято решение о проведении комплекса мероприятий, увековечивающих память Н. Рериха. Для многих из сегодняшних лидеров движения эта выставка и серия мероприятий стали решающими при включении в движение. Они привлекли большое количество новичков в движение и значительно его расширили.

Легализация движения происходила во многом благодаря активности участников в области культуры, санкционированной на государственном уровне. В 1977-м году в Музее Востока (г. Москва) открывается первая постоянная Рериховская экспозиция, а в 1979-м один из лидеров движения основывает в музее «Мемориальный Кабинет Рериха». Им же инициируется «Культурно-Художественная Комиссия Наследия семьи Рерихов», включающая в себя 22 уже известных в то время рериховеда. Через несколько лет комиссия распадается на несколько враждующих между собой кланов, обращающихся в борьбе за признание за поддержкой государственных чиновников в министерство культуры СССР и правительство Москвы. Несмотря на определенный государственный патронаж, участники движения продолжают использовать в своей полемике полумистический дискурс, например, апеллируя к сакральному статусу «наследия» семьи Рерихов. Правда, отдельные инициативы открытой пропаганды Учения, например,

предпринятые на Алтае строителями музея Рериха, государством все ещё пресекаются.

Решающее влияние на развитие рериховского движения оказала, в числе прочего, перестройка государственной политики в конце 1980-х годов. Рериховское движение начинает множиться и дробиться. Теперь это не только публично известные «профессионалы» и никому не известные полуподпольные группы любителей, но и многочисленные общественные организации почти в каждом городе России. С середины 1980-х при библиотеках, домах культуры, университетских факультетах создаются рериховские общества. Каждое устраивает культурно-просветительские мероприятия, например, музыкальные, художественные и т. д. вечера, прямо или косвенно связанные с творчеством Рерихов. Помимо внутренних семинаров по обсуждению текста Живой Этики, участники проводят открытые лекции светско-мистического характера и созывают на них жителей города. Большинство сегодняшних активистов движения обозначают время начала своего увлечения Рерихом как конец 1980 — начало 1990-х гг. Знакомство с Учением могло произойти через

Каждое из множества производимых суждений или классификаций не случайно: все они оказываются социально — и, частично, биографически — заданными.

объявление в местной газете, или через знакомых, подаривших книги Рерихов в ответ на вопросы «о смысле жизни». Между тем, доминирующие позиции внутри движения начинают занимать бывшие чиновники, например, сотрудник органов государственной безопасности, посол в Индии и т. д.

Благодаря постперестроечной либерализации идеологической сферы, появляется всё больше возможностей выбирать среди разных форм религиозности. Её неспецифические, диффузные формы: целительство, оккультизм, астрология, рериховство и т. д. — приобретают большую популярность. В это же время развивается и «научное» направление рериховского движения: создаются новые музеи и исследовательские центры-фонды, специализированные рериховские издания, университетские кружки, возникают попытки, со временем становящиеся все более и более удачными, организации конференций на т. н. «духовно-научную тематику». Чуть позже защищаются первые диссертации на рериховские или околорериховские темы.

О структуре сообщества и некоторых классификациях

«Ученые-исследователи» почти всегда занимают доминирующие позиции в рериховском движении. Однако вопрос об иерархии сообщества требует дополнительного пояснения. Рериховство значительно отличается от многих других новорелигиозных движений. Например, движение евангельских христиан-баптистов организовано в форме общин, каждая из которых сосредоточена вокруг конкретного здания церкви и обладает одинаковой структурой (молодежный лидер, лидеры служений, священники). В рериховском сообществе мы не сталкиваемся ни с чем подобным: тут нет ни единой формы организации (хотя существующие формы можно типизировать), ни обязательных видов активности (хотя есть наиболее распространенные виды), ни признаваемых всеми участниками движения лидеров (хотя многие лидеры признаются большинством участников). Таким образом, оно не лишено внутренней иерархии, но главное отличие заключается в неcodифицированных основаниях последней.

Проведенная нами работа с эмпирическим материалом позволяет предположить, что доминирующие позиции в рамках рериховского движения занимают, например, те, кому удастся сделать свое увлечение рериховством настоящей профессией. В отличие от «обывателей», иногда посещающих рериховский музей или заседания рериховских обществ, хотя и использующих в качестве настольной книги Живую Этику, «профессионалы» тратят свое основное профессиональное время на рериховскую работу. Имена профессионалов известны, за их публичной активностью наблюдают, их удачные высказывания цитируют; занимать такие позиции, без сомнения, очень престижно.

Неопределенность внутренней структуры рериховского движения (в смысле, её неcodифицируемость) может в той или иной степени доопределяться произведенными классификациями. Классификации «съедаются», «перевариваются» и замечательно «усваиваются»: неопределенность порядка внутри движения становится терпимой, а сложно детерминированные социальные отношения — простыми. Таким образом, несмотря на отсутствие признаваемой всеми иерархии позиций (в смысле наличия координационного центра и его «филиалов», единственного лидера и т. д.), какие-то классификации становятся более успешными, чем другие. Социальную механику формирования

этой очевидности мы и постараемся продемонстрировать. Каким образом способы мыслить самих себя «учеными-исследователями» различаются в зависимости от позиций в иерархии движения, а также биографических обстоятельств его участников?

Самой общей особенностью производимых рериховцами классификаций является обращение к этическому кодексу, где центральными категориями оказываются категории этические. У рериховцев все деления окружающего мира, все способы говорить о самих себе, науке, образовании, воспитании заключаются в искусном оперировании оппозициями порядочное/непорядочное, высокое/низкое, чистое/грязное, иными словами, хорошее/плохое или свет/тьма. Элементы подобного языка описания в той или иной форме усваиваются всеми представителями движения. Апелляция к одному и тому же «высшему» этическому кодексу, парадоксальным образом, служит легитимацией зачастую полярных идей и мнений.

Рериховское движение будоражат вполне себе «земные» конфликты⁵, результаты которых оказываются перед взорами многих рериховцев. Но при взаимодействии с членами сообщества нам ни разу не приходилось слышать признания в собственном участии, даже в собственной заинтересованности в такой «земной» борьбе. Каждый рериховец предпочитает заявлять о своей непричастности к делам «грязной политики», о необходимости творить добро самому, ни на кого не оглядываясь, — в этом, на наш взгляд, все участники движения солидарны. Однако тут же они квалифицируют собственную деятельность в качестве «правильной» и «творящей добро», а, соответственно, стратегии и тактики своих противников — как «низкие» и «темные». Участники движения могут быть исключены из реальной борьбы за ресурсы и позиции, например, по причинам низкого социального происхождения или отсутствия капиталов, призванных его компенсировать. Однако они никогда не оказываются исключенными из борьбы в символическом пространстве: при помощи формулирования классификаций, придания им этически окрашенной формы, и в таком — измененном — виде, навязывания этих классификаций в качестве универсальных.

Репутация «ученых-исследователей» внутри движения выше репутаций многих других участников. Они занимают «наукой», и остаются при этом рериховцами по своим убеждениям. Другое название «научному по-

⁵ Самый известный из них — противостояние Международного Центра Рерихов (Л. В. Шапошникова) и Музея Востока (О. В. Румянцева).

люсу» рериховского движения — «полюс рериховедов». Рериховед-исследователь (будучи всегда «профессионалом, а не «обывателем») инвестирует свое основное профессиональное время в изучение творчества Рерихов: это возможно благодаря доступным ему профессиональным позициям музейного работника, научного сотрудника общественной организации или Академии наук. Доступным — в основном из-за накопленного ранее культурного капитала, который впоследствии станет задействованным в построении рериховской карьеры. Чуть более маргинальные исследовательские позиции могут принадлежать участникам, которые не занимают официальных должностей в рамках движения, принимая участие в рериховских делах в свободное от основной профессии время.

Естественно, профессиональным рериховедам как нельзя более важным представляется формулирование оппозиции научное/ненаучное. В главном труде рериховцев — Живой Этике — предлагается вполне конкретный проект «новой» науки, которая сможет синтезировать разные дисциплины во имя великой идеи. Сама Живая Этика дает всевозможные «научные» сведения, относящиеся к гуманитарным и естественно-научным областям, заявляя о «программах» исследований «новой» науки. Рериховеды как последователи Учения используют эту терминологию, однако эмпирические референты оппозиции научное/ненаучное, — различны и детерминированы социально. Пробуем продемонстрировать эту детерминированность биографическими опытами респондентов.

Ученые-энциклопедисты и узкие специалисты по Рериху, «профессионализм» и «профанность»

Первую фигуру, которая будет нами рассмотрена, условно обозначим как «свободный исследователь»: это рериховед, не принадлежащий ни к одной официальной организации движения, однако сотрудничающий с различными журналами и фондами, рериховед, занятый собственно рериховской карьерой в свободное от основной работы время. Говоря о науке, представители такой позиции, например, А и В, склонны относить к ней тщательно выверенную компиляторскую и комментаторскую работу, посвященную литературному наследию Рерихов [Интервью № 1]. На противоположном же, «ненаучном» полюсе, располагается, по мнению этих респондентов, материал, создан-

ный одним воображением, не опирающийся на буквенное (то есть буквальное) следование источнику. Эта оппозиция в их устах становится ресурсом в борьбе за легитимность собственной — надо сказать, довольно маргинальной, — позиции. Своей «научной» работе они противопоставляют «ненаучность» конкурентов, являющихся держателями доминирующих позиций в рериховском пространстве: «ненаучность», которая заключается в «журнализме», отсутствии «глубины» анализа и пренебрежении к первоисточнику.

Она блестяще пишет как журналист! Она фантазирует, домысливает диалоги Рериха с Виктором Голубевым, с какими-то там представителями племен во время экспедиции. То есть это вообще не научная литература! А её последователями-фанатами это считается — научной.

За столько десятков лет не опубликовали архивы многочисленных — это просто смешно! Столько, казалось бы, исследователей. Якобы все это цитируется, но я просто посверяла [архивы] с книгами, в которых берутся эти цитаты, — кто во что горазд! Запросто переделать куски, исписанные Рерихом, переставить слова местами — да еще это в кавычках ставится, как будто это его цитата! То есть ну такое вообще! А таких вот дотошных исследователей очень мало, которые действительно серьезно подходят. Потому что нужно сидеть и работать — это очень кропотливая, длительная, напряженная работа. Тут и глаза себе попортишь и дышишь этим, выходишь из этого зала — весь черный в этой краске, свинцовой, это очень вредно!

[Интервью № 2]

Другой исследователь-рериховед С, обладатель полностью институционализированной карьеры, называет «научными» «разносторонние» исследования, которые не сосредоточены только на одном Рерихе [Интервью № 3]. Всех ученых он делит на «узких» и «широких» людей: «широкий» человек (он же истинный ученый) — это «человек широкого культурного плана», «мирового мышления», «энциклопедист», «синтетическая личность». В то время как «узкий» — тот, кто занимается только одной областью знания и не выходит за границы своей дисциплины. Таким образом, если бы он попробовал проклассифицировать комментаторскую работу своих ближайших коллег, «свободных исследователей» А и В, она оказалась бы отнесена к «узкой» и потому не-научной.

Если вы историк, то вы двигаетесь в определенных сложившихся рамках исторической традиции. Но когда Вы касаетесь фигур наподобие Вернадского, Рериха, Флоренского, людей, которые находились за пределами определенного направления, на стыке, на синтезе разных областей знания, которые используют. Они являются синтетическими, универсальными личностями, энциклопедистами. Поэтому методы изучения, подходы к изучению наследия таких людей должны выходить за рамки [науки]. Нужно быть и математиком, и историком, и социологом, и политологом, и искусствоведем, и литературоведом, для того, чтобы понять ход мысли этих людей. Ученый должен переродиться в этот самый момент в своих исследованиях. И только выйдя за пределы даже своего собственного мировоззрения, он может понять предмет своего исследования.

[Интервью № 3]

Различия в биографических траекториях и, прежде всего, в образовательных фильтрах, через которые прошли наши респонденты, — это то, что, на наш взгляд, может стать одним из объяснений столь разных референтов, к которым отсылает общая для всех оппозиция. В случае С последовательная смена позиций (глава рериховского музея, руководитель исследовательской группы в рамках Академии наук, научный сотрудник музея) сопровождалась накоплением специфической рериховской компетентности, которая также была подтверждена дипломами (степени кандидата философских и доктора исторических наук, полученные за работы на «рериховскую» тематику). Принадлежность к академическому миру, а также возможность применять образовательные навыки в рериховедении — всё это делает представления С об истинной «научности» сходными с академически легитимными, а последовательная смена профессий — математик, востоковед, историк — не может не способствовать пропаганде «широты взглядов».

«Свободные исследователи» А и В имеют естественнонаучное образование (математик, химик) и научную карьеру в своей профессиональной области (сотрудники НИИ и научных лабораторий). Рериховедением они лишь «увлекаются», выполняя непривычную для себя работу в качестве хобби: непривычную, поскольку близкую, скорее, к гуманитарной области знания. В отличие от С, востоковеда и историка по образованию, держателя институционализированной позиции, который считает необходимым для науки производить междисциплинарные «открытия», эти респон-

денты не обладают достаточной компетенцией в области гуманитарных наук, позволившей бы им совершать «открытия» в рериховедении. Потому их основная задача — создание тщательно выверенных комментариев к текстам.

Институционализация карьеры и последующая возможность «совершения открытий» подразумевает большое число инвестированных ресурсов — почти «профессиональное в области Рериха» образование (востоковедческое, диссертации по философии и истории), позиции в официальных научных учреждениях, работа в архивах и т. д. Отсюда, в том числе, наличие представлений о необходимости быть человеком «широкого плана», совершать «великие» открытия. Многочисленные институциональные перемещения, большие издержки, на которые идет С при этом, отчасти способствуют его симпатии «рериховедению» и антипатии «общественному движению». Собственный вклад в занятия рериховской «наукой» позволяют ему судить об отсутствии развитой «профессиональной» дискуссии. Универсализация этого частного взгляда происходит, как всегда, через этические категории. Например, используются такие определения как сердечное, внутренне, духовное, сакральное vs. поверхностное, внешнее, далекое, профанное. Эта оппозиция действует в отношении оценки науки и профессиональных качеств коллег: «человек, живущий сердечным чувством», «ценности которого касаются внутренней жизни» — истинный ученый vs. «далекий от душевных чаяний» — тот, кто не достоин заниматься наукой.

Ещё один рериховед, председатель крупного рериховского центра, к тому же держатель ещё нескольких официальных позиций в рериховском движении, тот, чьи статьи периодически появляются на страницах рериховских журналов, книг и Интернет-ресурсов, — выстраивает оппозицию, сходную с одной из только что упомянутых [Интервью № 4]. «Научным» он называет такой вид деятельности, который, во-первых, позволяет совершать новые «открытия», а во-вторых, отсылает к «энциклопедизму». Он также получил естественно-научное образование (химический факультет), и долгое время продолжал возвращаться в университетской и академической среде. Окончив университет, он все ещё числился на кафедре, реально занимаясь исследовательской работой в международном центре ядерных исследований в закрытом подмосковном городке. Однако ему, в отличие от А с В, удавалось связывать развивающийся интерес к учению Рерихов и научную деятельность: следующим эта-

пом его карьеры стала должность инженера-химика в лаборатории биоэлектроники, занимавшейся «практическими парапсихологическими явлениями», иными словами, изучением ещё необъясненных современной наукой человеческих способностей. «Научный подход! Не шаманство всякое! — вспоминает D сегодня, — и там стали исследовать известных на тот момент и практикующих экстрасенсов» [Интервью № 4]. Так как рериховское учение предполагает «научное» исследование «паранормальных» явлений, то и занятия парапсихологией этого участника можно квалифицировать как рериховские. Именно D наиболее часто воспроизводит канонические догмы учения, например, когда говорит об «энциклопедизме» и проекте построения «новой науки», или когда пропагандирует идею мобилизации специалистов разных профилей для «служения рериховскому делу».

Инвестирование собственной профессиональной компетентности в интересующую его область (парапсихологию), и главным образом, постоянная близость к академической среде делают представления D о рериховской «науке» сходными с академически легитимными. Пример тому — требование новых научных открытий. Отсюда же, на наш взгляд, сходство в способе говорить о науке и научном с другим, ранее упоминавшимся респондентом, С, чья рериховская карьера была определена нами как институционализированная. Соединение профессии и увлечения рериховством, близость к официальным научным инстанциям сближает этих двух участников движения в социальном пространстве. А сходство позиций в обоих пространствах — условно, внутреннем и внешнем, — порождает, в том числе, субъективное чувство уверенности в собственной «научной» компетентности и собственных возможностях. Демонстрацией тому является, например, практикуемое D обращение к делению на «профессионалов» (к коим тот относит себя и ближайших коллег) и «профанов» (те, чье сознание не подготовлено к научно-исследовательской работе, в т. ч. большая часть рериховцев). Интересно, что номинация «профаны» — дословная выдержка из речи респондента.

Похожим способом мыслить себя пользуется другой представитель движения, возглавляющий научный отдел в рериховском музее. Еще будучи амбициозным студентом, E [Интервью № 5] всегда обозначал свои научные интересы, прежде всего, как рериховские. По его мнению, накопление знания необходимо для служения вере, а также для производства нового знания о Рерихе. Рериховская исследова-

тельская карьера Е началась еще в университете, и последовательно развивалась от работы в архивах и библиотеках в свободное от основной профессии время — до должности научного сотрудника в музее семьи Рерихов. Таким образом, он инвестировал весь накопленный культурный капитал в рериховство, отмечая при этом созвучие своих предшествующих культурных предпочтений и непосредственно рериховских интересов.

Поэтому Е, формулируя похожую оппозицию профессионализм/профанность, вкладывает в неё несколько другие смыслы. «Профессионалы» — это те, кто занимается наукой в культурном учреждении, участвует в общественной жизни рериховского движения, являются носителями большого объема культурного капитала и т. д.; соответственно, «психики», профаны — те, кто занимаются «околорериховской» проблематикой в многочисленных общественных, ненаучных рериховских обществах — относятся однозначно к не-профессионалам. В то время как D, как мы помним, специализируется на изучении паранормальных рериховских «чудес», и эту свою специализацию классифицирует как «профессионализм».

Агни-Йога толкует о разных психических явлениях, поэтому есть [в рериховском движении] такой род людей, которые либо интересуются паранормальными явлениями, либо сами обладают какими-то психическими особенностями (склонны к медиумизму, экстрасенсы). Это настолько сомнительная публика, настолько это по сути своей не имеет отношения к Живой Этике. Они себя, естественно, считают чуть ли не Еленой Рерих!

Поэтому нам совершенно не хочется плодить этих людей. Как правило, у них образование очень поверхностное, поэтому с ними абсолютно не поговоришь. Широко мыслить и рассуждать научно — к этому они не стремятся и не очень способны. Еще они начинают нагнетать определенную обстановку. В ЖЭ это «психики» — те, кто обладают какими-то повышенными психическими способностями. Но эти способности очень разного уровня. Всегда рано или поздно найдется какой-нибудь контактер, который начнет заявлять всем, что он общается с Еленой Ивановной, учителем Мория и так далее. Понимаете, это не наша задача вот такое создать! При этом, если вы будете анализировать вот так широко очень Рериховское движение, в общем таких субъектов довольно много вы обнаружите!

Поэтому есть, конечно, разница анализировать учреждение

культуры и такую самостоятельную организацию, которая может специально стремиться к тому, чтобы на самом деле не прикоснуться к тому огромному культурному пласту, которые Рерихи предлагают

[Интервью № 5]

Администраторы и обыватели

Группа рериховедов сама по себе, на наш взгляд, неоднородна. Ранее мы наметили несколько «исследовательских» позиций в движении. Однако часть позиций, относящихся к «рериховедению», в полном смысле исследовательскими не являются: занимающие их люди практически не публикуют оригинальные статьи, мало участвуют в конференциях, впрочем, они и сами не претендуют на звания служителей науки. Зато значительную часть своего времени они тратят на работу по организации этих самых конференций, подготовки к публикации сборников статей, редактирование и выпуск научных журналов, в конце концов, подготовку и организацию специальных рериховских экскурсий в государственных музеях. Условно мы будем называть таких людей научными администраторами в рериховедении.

В отличие от исследователей, администраторы практически не оперируют оппозицией научное/ненаучное в чистом виде. Например, в случае F, директора исследовательского фонда Рериха, отказ от подобного деления (как и, собственно, выбор в пользу позиции администратора, а не ученого) может быть связан с отсутствием высшего образования как такового: он вообще не прошел через университетскую образовательную систему, окончив 9 классов школы и продолжив обучение в техникуме. [Интервью № 6]. Его родители также не имеют высшего образования и принадлежат к рабочей среде. В 90-е годы F занимался бизнесом, но, бросив это «грязное дело» по идеологическим соображениям, связанным с увлечением учением Рерихом, он стал стремительно менять всевозможные места работы, пока не сделал основной профессией свое рериховское увлечение (возглавил исследовательский фонд Рерихов).

Несмотря на отсутствие в речи F явного противопоставления науки и не-науки, имплицитно это деление присутствует в его способе говорить о себе и своих коллегах. Оно, на наш взгляд, имеет смысл для всех рериховедов, однако в дискурсе администраторов проявляется в несколько измененном виде. Например, F делает попытку противопоставить «глубокие, живые исследования» «исследованиям

ради собственной карьеры» [Интервью № 6]. Она становится более убедительной при обращении F к этическим аргументам. Он утверждает, что не интересуется научными достижениями коллег, но судит их по тому, порядочные это люди или нет; он априори подразумевает, что «порядочный человек» будет заниматься именно тем типом исследовательской деятельности, который F называет «живым», а значит, «истинно научным».

Обратимся к примеру другого представителя администраторов-рериховедов — научного сотрудника и главы рериховского отдела государственного музея, известного активиста рериховского движения [Интервью № 7]. Получив историческое образование и профессионально занимавшись искусством некоторое время после вуза, он сосредоточил свои последующие усилия на построении карьеры внутри музея: чтение лекций на самые разные тематики постепенно сменилось исключительно «рериховской» специализацией. Карьера G предполагала постепенное накопление авторитета внутри рериховской среды, что в конце концов позволило ему практически в одиночку участвовать в противостоянии с целой рериховской организацией. Говоря о рериховском движении, он противопоставляет властности, «проплаченности», «наличию больших связей наверху», амбициям на руководство всем Рериховским движением, с одной стороны (стороны противников), — возвращение к источнику, культурно-просветительскую деятельность посвященной группы, которая знает учение, с другой стороны (своей собственной).

Таким образом, в этом способе говорить о себе также отсутствует явное противопоставление науки и не-науки, и, кажется, дискурс о научном как таковой. Зато актуальным в очередной раз становится деление на «профессионалов» и «профанов»: оно относится к борьбе, в которой активно участвует G. Будучи защитником ортодоксии и проповедуя «чистоту» учения, он опирается на первоисточник и представление о закрытой «посвященной группе», являющейся носителем «истинного» учения (в отличие от профанов, которые могут учение вульгаризировать). О противопоставлении священного и светского мы также получаем возможность говорить, имея в виду заявление G о своем (в некотором смысле привилегированном) праве в любое время делать открытым или закрытым отдел, посвященный Рериху в государственном музее. Музейная публика классифицируется им следующим образом: с одной стороны, это посетители,

читающие книги, «посещающие [музей] как будто ашрам», «поклоняющиеся Его искусству и которым всё это интересно, дорого», с другой стороны — нечитающая публика, «просто купившая билеты и задающая глупые вопросы» [Интервью № 7].

Отдельной областью для изучения могло бы быть обращение к способам говорить о науке/не-науке не только рериховедами (то есть теми, кто непосредственно заинтересован в пере- и доопределении собственной деятельности), но и рериховцами вообще. По причине, частично заключающейся в нехватке материала, а частично — нехватке времени, мы не будем этого делать здесь и сейчас, однако попытаемся на небольшом примере показать, что и в этой среде эмпирические референты «научного» не напрямую вытекают из истин учения. Мы обратимся к рассуждениям H, активиста рериховского общества, которому ни раз приходилось, например, проводить лекции о Рерихе в школах и институтах [Интервью № 8]. Научными операциями он называет, прежде всего, умелое оперирование суммой знаний, подтвержденных авторитетами.

О: В своих лекциях я подхожу с позиций науки. С позиций науки за ответственность человека за качество его мыслей, за качество его чувств...

В: А с позиций науки — это как?

О.: Я подхожу здесь так. О последних достижениях науки я говорю, что у нас сегодня есть такие-то достижения и можно к ним обратиться. Скажем, тот же Вернадский говорит о ноосфере, тот же Чижевский — о влиянии на наше сознание

[Интервью № 8].

Вероятно, H полагает, что, «подход с позиций науки» позволяет ему быть частично причастным к этому, столь почитаемому в учении, роду деятельности, однако отсутствие собственно исследовательских (в любом смысле этого слова) работ не дает нам никакого права отнести его к обсуждаемой ранее группе рериховедов.

Рассмотренный нами «научный» полюс рериховского движения неоднороден. Исследовательские или административные позиции внутри рериховских институций позволяют их держателям инвестировать в рериховство значительную часть ресурсов — как своих интеллектуальных усилий, так и собственного профессионального времени. Различия в предшествующих рериховской карьере опытах

позволяет зафиксировать и частично объяснить различные смыслы, вкладываемые в понятие «правильной» науки. За рамками нашего рассмотрения остался биографический опыт респондентов, способствующий, с одной стороны, увлечению наукой вообще, а с другой — рериховством в частности (равно как и наоборот — рериховством вообще и наукой в частности). Главным образом, мы попытались предположить, как полученное образование и стратегии распоряжения собственной профессией повлияли на формулирование респондентами классификаций.

Попробуем кратко сформулировать основные положения, на которых остановилось наше внимание при рассмотрении суждений и профессионального опыта респондентов. Формированию представлений об энциклопедизме (как главном требовании концепции «новой» науки) способствует во многом частая смена позиций внутри научных институций. Полученное образование и практикуемый ранее род научной деятельности, которые можно условно обозначить как «близкие к рериховству», делают представления о рериховской «науке» сходными с академически легитимным: эти участники претендуют на совершение «открытий» в рериховедении и получение нового знания. Респонденты, получившие «далекое» от рериховства образование (например, техническое при отсутствии опыта исследований паранормальных явлений), склонны называть компиляторскую и комментаторскую работу «научной». Биографические траектории «администраторов в рериховедении» характеризуются (чаще всего) отсутствием профессионального опыта в научной среде — в том числе, поэтому они стали занимать околонучные позиции. Они меньше говорят о науке. Наконец, «обыватели» движения также становятся сторонниками той или иной частной точки зрения, тем самым, включаясь в общую для всего движения борьбу номинаций.

Таким образом, эмпирические референты общей для всех рериховцев концепции «новой» науки, описанной в Живой Этике, различны и детерминированы социальным опытом участников. ❏

Эмпирический материал.

Интервью № 1: А — ж., 64 года, исследователь творческого наследия Рериха, сотрудник рериховского журнала, сотрудник научной лаборатории, математик, к.м.н.

Интервью № 2: В — ж., 42 года, исследователь творческого наследия Рериха, библиотекарь в рериховском музее (4 года), химик-технолог, работник в академии педагогического образования.

Интервью № 3: С — м., 58 лет, исследователь-рериховед, глава рериховского отдела музея, главный редактор рериховских журналов, бывший директор рериховского музея, сотрудник ИИЕТ РАН, востоковед, д.и.н.

Интервью № 4: D — м., 57 лет, исследователь-рериховед, глава рериховской организации, химик, научный сотрудник института ядерных исследований (НИИ), советник РАЕН.

Интервью № 5: E — ж., 37 лет, исследователь-рериховед, заведующий научно-методическим отделом рериховского музея, филолог, преподаватель иностранного языка в школе, переводчик.

Интервью № 6: F — м., 46 лет, глава рериховского фонда, художник, поэт, средне-профессиональное образование, частный предприниматель.

Интервью № 7: G — ж., 73 года, глава рериховского отдела музея, в прошлом — глава рериховского общества, историк, сотрудник музея (в течение 40 лет).

Интервью № 8: H — ж., 59 лет, сотрудник рериховского общества, воспитатель детского сада, социолог на производственном объединении, научный сотрудник НИИ труда, педагог.